

«Боже, я испугалась и закричала... проснулась...»: «литературные» сны даиэристки (Е. А. Дьяконова и Л. Н. Толстой)

А. В. Петров¹, Н. В. Ярина²

¹доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. Россия, г. Магнитогорск.
E-mail: alexpetrov72@mail.ru

²аспирант кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. Россия, г. Магнитогорск.
E-mail: alexpetrov72@mail.ru

Аннотация. Дневник Е. А. Дьяконовой (1874–1902), один из интереснейших «человеческих документов» русской словесности конца XIX – начала XX в., до сих пор не исследован в отечественной и зарубежной науке. Из его богатейшего содержания была выбрана одна запись, в которой даиэристка описывает свой сон. С одной стороны, в нём отразился читательский опыт Дьяконовой, а именно ее постоянный интерес к творчеству Л. Н. Толстого; с другой – «индивидуальная» и «коллективная» составляющие ее «бессознательного». Их анализ и составляет цель данной статьи. Для достижения цели использовались интертекстуальный, мифопоэтический и гендерный методы исследования. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения онейропоэтики и мифопоэтики русской литературы, а также в когнитивных и гендерных исследованиях эго-документов и женской литературы.

Результаты исследования. По мнению авторов статьи, сон Дьяконовой (запись от 4 июня 1889 г.) является «репликой» сна такого толстовского персонажа, как князь Андрей Болконский. На это указывают многочисленные совпадения – общий для снов даиэристки и литературного героя набор деталей и символических образов (комната, задвижка, затворенная дверь, что-то ужасное, ломящееся в нее, страх во сне, разговоры во сне, пробуждение). Своему герою Толстой отдал собственные религиозно-философские размышления о жизни как сне и смерти как воскресении. Сон Дьяконовой, осязаемо женский в контексте ее дневника и традиционной культуры, актуализирует иную проблематику. Образы двери, ключа, щели в двери, задвижки, цифры «5» имеют устойчивые в народной обрядовой практике и фольклорно-поэтической традиции символические смыслы, связанные с идеей «выхода» из дома – как замужества и как смерти. И то, и другое составляет постоянный предмет мыслей и страхов Дьяконовой, как они отразились в ее дневнике.

Ключевые слова: дневник Е. А. Дьяконовой, Л. Н. Толстой, онейропоэтика, мифопоэтика, любовь и смерть.

Дневник Елизаветы Александровны Дьяконовой (1874–1902), после столетнего забвения вернувшийся в русскую культуру в начале 2000-х гг., до сих пор не прочитан и не оценен по достоинству. А ведь он является почти универсальным источником информации о жизни русской девушки на рубеже XIX–XX вв. (см.: [18]). Девушки, прямо скажем, неординарной и, наверно, нетипичной, особенно для ее среды (Дьяконова происходила из купеческой семьи Ярославской губернии). Возможно, именно поэтому ее дневник и интересен. Наш интерес, в частности, привлекли в нём два, на первый взгляд, не связанных между собой аспекта: круг чтения даиэристки и ее сны.

Чтобы соединить их, мы, в качестве допущения, примем тот тезис, что сознание Дьяконовой было литературоцентричным (см. об этом понятии: [17]). Для тех, кто знаком с ее дневником, это утверждение не требует доказательств в силу его самоочевидности: Дьяконова цитирует не менее ста античных, европейских и русских писателей, произведения которых она прочла (см.: [10; 18]). Причём по-немецки и по-французски она читала в подлиннике; примечательна, например, ее ремарка по поводу чтения «Божественной комедии» весной

1890 г.: «<...> жаль, что не знаю по-итальянски...» [2, с. 53]. 6 сентября 1892 г. даиэристка записывает: «<...> думаю о предстоящих занятиях языками, музыкой, принимаюсь за латынь. Хотелось бы поучиться и по-итальянски...» [2, с. 74]. В сентябре 1899 г. на Бестужевских курсах она сдавала экзамен по латыни.

Среди русских авторов, входивших в круг чтения Дьяконовой, – почти все классики XIX в. (не упоминается в дневнике только Ф. М. Достоевский, что, конечно, требует отдельного разговора), а также литературные критики (В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев и др.), историки, эстетика, общественные деятели. Всего мы насчитали их не менее 46. Чаще всего в дневнике упоминаются и/или цитируются А. С. Пушкин и Л. Н. Толстой.

О Толстом Дьяконова впервые упоминает 19 апреля 1891 г. в связи с «Крейцеровой сонатой»; из контекста видно, что с его творчеством она знакома уже давно: «*Неужели это не сон, и “Крейцера соната” в моих руках? <...> Я осторожно полистала. Вероятно, на моём лице изображалась смесь удивления и почтения, которое я чувствую ко всем произведениям Толстого. <...>*» [2, с. 60]. С этого момента Толстой, писатель и мыслитель, уже не уходит из дневника и сознания Дьяконовой. В особенности ее интересовали его взгляды на любовь и брак. Ему она посвящает и свою оказавшуюся последней статью – «О женском вопросе», написанную в начале 1902 г. в Париже и опубликованную уже после её смерти. Это развёрнутая рецензия на сборник статей и ответов Толстого на адресованные ему частные письма, составленный его другом В. Г. Чертковым и изданный в 1901 г. под названием «О половом вопросе. Мысли Л. Н. Толстого, собранные В. Чертковым» (см.: [18, с. 27–36]).

В дневнике Дьяконова упоминает как о читанных ею лишь о нескольких художественных произведениях Толстого: «Крейцеровой сонате», «Анне Карениной», «Власти тьмы», «Хозяине и работнике», «Смерти Ивана Ильича», «Сказке об Иване-дураке и его двух братьях...». Значит ли это, что других его произведений она не читала? И здесь мы должны сделать еще одно допущение: предположить, что Дьяконова *не могла не читать*, например, «Войну и мир». Собственно же для нашего небольшого исследования значимо третье допущение: прочитанное даиэристкой, и творчество Толстого в особенности, влияло на ее сны.

Упоминаний о том, как она готовилась ко сну, засыпала, просыпалась и т. п., в дневнике Дьяконовой немало. Однако непосредственно о снах даиэристка говорит всего шесть раз, подробно же описывает четыре сна. Три из этих шести снов связаны со смертью и/или покойниками: в одном Дьяконова видит умершего (в 1887 г.) отца, во втором – свою собственную смерть, в третьем – смерть своей бабушки, на тот момент разбитой параличом. И здесь следует вспомнить, насколько часто в произведениях Толстого встречаются не только тема смерти, но и герои, сны которых либо предвещают их смерть, либо предшествуют ей (см.: [11; 13; 14]).

Интересующая нас дневниковая запись (от 4 июня 1889 г.) начинается фразой «*Сегодня умер Иван Данилыч, наш хозяин*» [2, с. 38]. Речь идет о хозяине дома, в котором Дьяконовы снимали квартиру в Ярославле; примечательны, конечно, созвучие имён (*Иван Данилыч – Иван Ильич*) и дата смерти толстовского героя – 4 февраля 1882 г. В свои комментарии к этому событию даиэристка вставляет цитату из «Евгения Онегина», связанную со смертью Ленского (6, XXXII): «*Окна мелом забелены. Хозяйки нет*». (Забегая вперед, отметим присутствие в этой цитате образа закрытой от постороннего взгляда комнаты – замкнутого пространства; образа окна – символической «границы»; женского образа и связанного с ним мотива смерти – пропавшей без вести «хозяйки».) Затем Дьяконова описывает два сна, виденные ею в эту ночь. Нас будет интересовать первый, который, по сути, оказался вещим:

«*Снились мне сны в эту ночь, и преглупые сны. Один такой страшный, я даже закричала: снилось мне, что лежу я на постели у самой двери моей комнаты. А за дверью стоит кто-то и просит у меня ключа от двери (она заперта), чтобы повеситься на моей стороне двери на продолговатой формы задвижке. Я ключа не даю и держу у себя под одеялом. И знаю, что этот кто-то не может у меня ключа отнять, потому что дверь заперта. А кто-то все просит и умоляет дать ключ. Наконец кто-то говорит: “А, ты не даёшь, так достану...” И начинает дергать дверь и даже хочет просунуть пальцы сквозь щель, чтобы отодвинуть задвижку. Боже, я испугалась и закричала... Проснулась – слышу, бьет 5 часов. Снова заснула*» [2, с. 38].

Дьяконова отметила странность как своих снов, так и того, что она решила их записать: «*Странно. Ну и снятся же такая чепуха! Не знаю, что и вздумалось мне записать эти сны, нелепы и дики они...*». Даиэристка не стала доискиваться «мечтанья страшного значенья» (как сделала, проснувшись «в ужасе», героиня процитированного романа Пушкина), хотя «новый полный оракул» был популярнейшим книжным изданием как во времена Татьяны Ла-

риной, так и во времена Елизаветы Дьяконовой. Впрочем, она не нашла бы там ответов на вопросы, к чему снятся «закрытая дверь», «ключ», «здвижка», «голос за дверью». Только на запрос «лежать одному в постели» можно было узнать, что это означает «спокойствие духа в несчастии» [5, с. 66]. Итак, Дьяконова решила не прибегать к помощи Мартына Задеки или Брюса и «странности» своих снов нашла простое, бытовое объяснение: «Я так думаю, что это от цветов: третьего дня я купила на бульваре два букета каких-то ночных фиалок, полевых цветов с сильным запахом, и вторую ночь ставлю их около своей подушки» [2, с. 39]. Вряд ли даиэристка знала, что у древних греков фиалка считалась «цветком печали и смерти», которым украшали смертное ложе и «могилы молодых, безвременно погибших девушек» [3, с. 51].

Оставим сонники в покое, тем более что существует сон одного из известнейших литературных персонажей, в котором (сне) можно найти почти все образы и детали из дьяконовского «страшного» сна: *комнату, задвижку, затворенную дверь, что-то ужасное, ломящееся в нее, страх во сне, разговоры во сне, пробуждение*. Имеем в виду предсмертный сон князя Андрея Болконского из «Войны и мира» Толстого (Т. IV, Ч. 1, Гл. XVI). Приведем его полностью:

«Он видел во сне, что он лежит в той же комнате, в которой он лежал в действительности, но что он не ранен, а здоров. Много разных лиц, ничтожных, равнодушных, являются перед князем Андреем. Он говорит с ними, спорит о чем-то ненужном. Они собираются ехать куда-то. Князь Андрей смутно припоминает, что все это ничтожно и что у него есть другие, важнейшие заботы, но продолжает говорить, удивляя их, какие-то пустые, остроумные слова. Понемногу, незаметно все эти лица начинают исчезать, и все заменяется одним вопросом о затворенной двери. Он встает и идет к двери, чтобы задвинуть задвижку и запереть ее. Оттого, что он успеет или не успеет запереть ее, зависит все. Он идет, спешит, ноги его не двигаются, и он знает, что не успеет запереть дверь, но все-таки болезненно напрягает все свои силы. И мучительный страх охватывает его. И этот страх есть страх смерти: за дверью стоит оно. Но в то же время как он бессильно-неловко подползает к двери, это что-то ужасное, с другой стороны уже, надавливая, ломится в нее. Что-то не человеческое – смерть – ломится в дверь, и надо удержать ее. Он ухватывается за дверь, напрягает последние усилия – запереть уже нельзя – хоть удержать ее; но силы его слабы, неловки, и, надавливаемая ужасным, дверь отворяется и опять затворяется.

Еще раз оно надавило оттуда. Последние, сверхъестественные усилия тщетны, и обе половинки отворились беззвучно. Оно вошло и оно есть смерть. И князь Андрей умер.

Но в то же мгновение, как он умер, князь Андрей вспомнил, что он спит, и в то же мгновение, как он умер, он, сделав над собою усилие, проснулся.

“Да, это была смерть. Я умер – я проснулся. Да, смерть – пробуждение!” – просветлело в его душе, и завеса, скрывавшая до сих пор неведомое, была приподнята перед его душевным взором. Он почувствовал как бы освобождение прежде связанной в нем силы и ту странную легкость, которая с тех пор не оставляла его» [16, с. 70].

Этот княжеский сон давно и убедительно истолкован литературоведами [11; 13; 14]. Связан он с религиозно-философскими воззрениями Толстого, который понимает жизнь как сон, а смерть как пробуждение от сна к жизни вечной, т. е. в достаточно традиционных христианских метафорах, в литературе особенно популярных в эпоху барокко. Как известно, основу сна князя Андрея Болконского составил страшный сон самого Толстого, виденный им 11 апреля 1858 г.; при этом во сне он слышал «чей-то» голос [13, с. 127]. Проще всего отождествить «кого-то» из сна Дьяконовой с «оно», т. е. смертью, из сна Болконского и предположить, что герой Толстого не смог запереть дверь и это символизирует его смерть, а даиэристка дверь не открыла и жизнь ее, следовательно, вне опасности.

Обратим, однако, внимание не на то, что в этих снах является схожим, а на то, чем они отличаются. Проснувшись, князь Андрей перестает испытывать страх, ибо он обретает *Свет и Свободу* (см.: [11]). Дьяконова же, имея возможность впустить «кого-то» в свою комнату, не дает ему *ключа* от двери и остается во *Тьме*. *Ключ* – это и есть наиболее важная деталь в ее сновидении, ощутимо *женская* как в общем контексте дневника, так и с позиций мифопоэтических и обрядово-магических (см.: [7; 8; 9; 10]).

Современная наука, прежде всего этнолингвистика и антропология, предложила новое, по сравнению с составителями «оракулов» XVIII – начала XX в., толкование тех символов, которые можно найти в сне Дьяконовой.

1) *Дверь* в народной культуре и обрядовой практике соотносится с «символикой границы» в широком смысле, например со «входом в царствие небесное» или с «женским детородным

органом», а также с важнейшими моментами семейной жизни (рождение, свадьба, смерть) и с защитными действиями. Так, открытые двери ассоциировались со смертью и в то же время способствовали «раскрытию» тела роженицы, ибо роды в символическом смысле тоже смерть: «беременная женщина, носительница двух душ, умирает, дав жизнь двум новым самостоятельным существам: матери и ребенку». В гаданиях и приметах символика двери указывает на идею «выхода» из дома – «как замужества и как смерти» [4, с. 72–74; 15, т. 1, с. 25–29].

2) *Ключ* – «предмет, наделенный символикой закрывания-открывания»; является «функциональным синонимом замка»; выступает также как «символ власти и обладания». Например, ключом «замыкают» болезнь, жизнь, заговор; «открывают доступ к невесте» в гаданиях о замужестве; его сохранение или потеря символизируют в обрядовой поэзии сохранение или потерю невинности [15, т. 2, с. 511–512]. Вспомним, с одной стороны, «ключи от счастья женского» из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и, с другой – «ключ, подходящий к множеству дверей», из стихотворения И. А. Бродского «Дебют». Образ из «Дебюта» имеет фольклорно-обрядовое происхождение, раскрывающееся в таких, в частности, жанрах, как загадка и частушка.

Пример первой:
С вечера вдел,
Всю ночь мудел,
Назавтра вынул, поглядел –
Опять вдел [12, с. 390].

(Ответ: ключ и замок.)

Пример второй:
Ох, девки, беда,
Потеряла сумку,
А в сумке ключи –
Запирала кунку [12, с. 464].

3) *Щель и задвижка* – образы, которые также могут быть истолкованы в эротическом плане. Ср. загадку про *засов*:

Иван-мельник
Засунул в понедельник,
А вынул во вторник [12, с. 384].

Что касается образа *щели*, то в качестве эвфемизма с прозрачным аллегорическим смыслом он использовался еще И. С. Барковым (см.: [1, с. 16, 33, 101, 299; 7; 8]).

Таким образом, сохранение ключа и неоткрывание двери во сне Дьяконовой – это сохранение ею чистоты, девственности («Я ключа не даю и держу у себя под одеялом»), которое приведет ее... к смерти.

4) Наконец, немаловажной является и цифра «5» («Проснулась – слышу, бьет 5 часов»). Нумерологию, известную еще Пифагору, наукой считают далеко не все члены мирового учёного сообщества, поэтому обратимся к той ее традиции, которая является частью признаваемой многими библеистики, – к нумерологии библейской. Ряд истолкований символики «5» хорошо вписывается в общую символику сна Дьяконовой: «С числом 5 человек стремится смотреть за пределы мира, состоящего из четырех элементов, отправляться в странствия и духовно прогрессировать. <...> 5 – число мужской сексуальности, так как оно состоит из первого женского числа (2), прибавленного к первому мужскому числу (3), а в любви женщина «прибавляется» к мужчине, отдавая ему в его владение. Если 3 – число сексуального воспроизводства, то 5 – число сексуального удовольствия. <...> Число 5 выражает чувственность и плотские удовольствия в целом, так как это число пяти чувств. <...>» [6, с. 85, 87].

Полагаем, что рассмотренные образы-символы из сна Дьяконовой указывают и/или на ее замужество, и/или на ее смерть. Оба объяснения отвечают общей направленности тех мыслей и страхов, которые владели даиэристикой в течение всего времени ведения ею дневника. В равной степени Дьяконову страшили и замужество, и смерть. И сны, как часть ее бессознательного, впитали в себя эти страхи, подпитанные и усиленные страхами и предубеждениями прочитанных ею писателей-классиков и созданных ими персонажей.

Список литературы

1. Барков И. С. Иллюстрированное собрание трудов в одном томе. Посвящения, оды, поэмы, эпистолы, сонеты. М. : Альтапринт, 2004.
2. Дьяконова Е. Дневник русской женщины. М. : Захаров, 2004.
3. Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. СПб. : А. Ф. Девриен, [1913].
4. Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М. : Ладомир, 2001.
5. Миллион снов. Новый и полный сонник. Предсказание снов, гадание на картах и пр. Распознавание будущего по рукам и по лицу человека. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1901.
6. Неаполитанский С. М., Матвеев С. А. Библиейская нумерология. СПб. : Изд-во Ин-та метафизики, 2006.
7. Петров А. В. Брачно-свадебная поэзия в русской литературной культуре XVIII – начала XIX веков : монография. Магнитогорск : МаГУ, 2013.
8. Петров А. В. «Эрос vs. Приап»: «коды любви» в брачных одах М. В. Ломоносова и И. С. Баркова // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: лінгвістика і літературознавство : міжвуз. зб. наук. ст. Бердянськ : БДПУ, 2013. Вип. XXVII. Ч. 2. С. 28–40.
9. Петров А. В., Скворцова М. Л. Петербургская свадебно-праздничная культура 1720-х гг. глазами немца (на материале «Дневника камер-юнкера Ф. В. Берхгольца») // Libri Magistri. 2017. Вып. 4. Филология в XXI веке. С. 92–111.
10. Петров А. В., Ярина Н. В. «Если бы кто-нибудь признался мне в любви, что же вышло бы?» : роман «Отцы и дети» в восприятии Елизаветы Дьяконовой // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 4. С. 44–50.
11. Ранчин А. Две смерти. Князь Андрей и Иван Ильич // Октябрь. 2010. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/october/2010/10/ra4.html#_ftnref1.
12. Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / сост., науч. ред. А. Л. Топоркова. М. : Ладомир, 1995.
13. Савельева В. Сновидение как пробуждение. Сны в романах и в жизни Льва Толстого // Простор. Литературно-художественный ежемесячный журнал. 2013. № 12. URL: <http://zhurnal-prostor.kz/index.php?id=1480>
14. Савельева В. В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей : монография. Алматы : Жазушы, 2013.
15. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995.
16. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. 7. М. : Худож. лит., 1981.
17. Турышева О. Н. Книга – чтение – читатель как предмет литературы. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.
18. Ярина Н. В. «“Дневник” Елизаветы Дьяконовой: жанровое своеобразие» : дис. на соискание квалификации «Исследователь, Преподаватель-исследователь» : рукопись. Магнитогорск, 2018.

«God, I got scared and screamed... awaked...»: «literary» dreams of a woman diarist (E. A. Diakonova and L. N. Tolstoy)

A. V. Petrov¹, N. V. Yarina²

¹Doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of linguistics and literary studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University. Russia, Magnitogorsk.

E-mail: alexpetrov72@mail.ru

²postgraduate student of the Department of linguistics and literary studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University. Russia, Magnitogorsk.

E-mail: alexpetrov72@mail.ru

Abstract. E. A. Dyakonova's (1874–1902) diary, one of the most interesting of «human documents» of the Russian literature of the end of XIX – the beginning of the XX centuries, still isn't investigated in national and foreign science. One note in which the diarist describes the dream was chosen from its richest contents. On the one hand, reader's experience of Dyakonova, namely her constant interest in L. N. Tolstoy's creativity was reflected in it; with another – «individual» and «collective» components of her «unconsciousness». Their analysis is the purpose of this article. For achievement of the purpose intertextual, mythopoetic and gender methods of research were used. The received results can be used for further studying of a oneiropoetics and a mythopoetics of the Russian literature, and also in cognitive and gender researches of an ego-documents and female literature.

Results of research. According to authors of the article, Dyakonova's dream (note of June 4, 1889) is «remark» of a dream of such character of Tolstoy, as the prince Andrey Bolkonsky. On it specify numerous coin-

cidence – the general for dreams of a diarist and the literary hero a set of details and symbolical images (the room, a latch, the shut door, something awful, breaking it, fear in a dream, talk in a dream, awakening). Tolstoy gave to the hero own religious and philosophical reflections about life as a dream and death as resurrection. Dyakonova's dream, noticeably female in the context of her diary and traditional culture, make actual other perspective. The images of a door, a key, a crack at door, latches, figure «5» have the steady symbolical meanings in national ceremonial practice and folklore and poetic tradition connected with the idea of «exit» from the house – as marriage and as death. Both that, and another makes a constant subject of Dyakonova's thoughts and fears as they were reflected in her diary.

Keywords: E. A. Dyakonova's diary, L. N. Tolstoy, oneiropoetics, mythopoetics, love and death.

References

1. Barkov I. S. *Ilyustrirovannoe sobranie trudov v odnom tome. Posvyashcheniya, ody, poehmy, ehpistoły, sonety* [Illustrated collection of works in one volume. Dedications, odes, poems, epistles, sonnets]. M. Alfaprint. 2004.
2. D'yakonova E. *Dnevnik russoj zhenshchiny* [Diary of a Russian woman]. M. Zakharov. 2004.
3. Zolotnickij N. F. *Cvety v legendah i predaniyah* [Flowers in legends and tales]. M. [1913].
4. Kabakova G. I. *Antropologiya zhenskogo tela v slavyanskoj tradicii* [Anthropology of the female body in the Slavic tradition]. M. Lodomir. 2001.
5. *Million snov. Novyj i polnyj sonnĭk. Predskazanie snov, gadanie na kartah i pr. Raspoznavanie budushchago po rukam i po licu cheloveka* – A million dreams. New and complete dream book. Prediction of dreams, cartomancy and so on. Detection of the future by hand and face. M. Typ. of Partnership of I. D. Sytina. 1901.
6. *Neapolitanskij S. M., Matveev S. A. Biblejskaya numerologiya* [Biblical numerology]. M. Publishing house of metaphysics. 2006.
7. Petrov A. V. *Brachno-svadebnaya poehziya v russoj literaturnoj kul'ture XVIII – nachala XIX vekov: monografiya* [Wedding poetry in the Russian literary culture of the XVIII – early XIX centuries : monograph]. Magnitogorsk. MaSU. 2013.
8. Petrov A. V. «Eros vs. Priap»: «kody lyubvi» v brachnyh odah M. V. Lomonosova i I. S. Barkova [«Eros vs. Priapus»: «codes of love» in marriage odes by M. V. Lomonosov and I. S. Barkov] // *Aktual'ni problemi slov'yans'koi filologii. Seriya: lingvistika i literaturoznavstvo : mizhvuz. zb. nauk. st.* – Actual problems of Slavs philology. Series: linguistics and literature studies: interuniversity coll. scientific works. St. Berdyansk: BDPU, 2013. Issue XXVII. Part 2. Pp. 28–40.
9. Petrov A. V., Skvortsova M. L. *Peterburgskaya svadebno-prazdnichnaya kul'tura 1720-h gg. glazami nemca (na materiale «Dnevnika kamer-yunkera F. V. Berghol'ca»)* [St. Petersburg wedding and festive culture of the 1720s by the eyes of the German (by the material of the «Camer-Junker's F.V. Bergholz diary»)] // *Libri Magistri*. 2017. Issue 4. Philology in the XXI century. Pp. 92–111.
10. Petrov V. A., Yarina N. V. «If someone had confessed to me in love, what would have happened?»: novel «Fathers and children» in the perception of Elizaveta Diakonova // *Humanitarian and pedagogical research*. 2018, vol. 2, № 4, pp. 44–50.
11. Ranchin A. *Dve smerti. Knyaz' Andrej i Ivan Il'ich* [Two deaths. Prince Andrew and Ivan Ilyich] // *Oktyabr'* – October. 2010. No. 10. Available at: http://magazines.russ.ru/october/2010/10/ra4.html#_ftnref1.
12. *Russkij ehroticheskij fol'klor. Pesni. Obryady i obryadovyj fol'klor. Narodnyj teatr. Zagovory. Zagadki. CHastushki* – Russian erotic folklore. Songs. Rites and ritual folklore. Folk theatre. Conspiracies. Riddles. Ditties / comp., scient. ed. A. L. Toporkov. M. Lodomir. 1995.
13. Savel'eva V. *Snovidenie kak probuzhdenie. Sny v romanah i v zhizni L'va Tolstogo* [Dream as the awakening. Dreams in novels and in the life of Lev Tolstoy] // *Prostor. Literaturno-hudozhestvennyj ezhemesyachnyj zhurnal* – Literary and artistic monthly magazine. 2013, No. 12. Available at: <http://zhurnal-prostor.kz/index.php?id=1480>
14. Savel'eva V. V. *Hudozhestvennaya gipnologiya i onejropoehtika russoh pisatelej: monografiya* [Art hypnology and onneuropoetics of Russian writers]. Almaty. Zhazushy. 2013.
15. *Slavyanskĭe drevnosti: ehtnolingvisticheskij slovar' : v 5 t.* – Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary in 5 vol. / under the general editorship of N. I. Tolstoy. M. International relations. 1995.
16. Tolstoj L. N. *Sobr. soch.: v 22 t.* [Coll. works: 22 vol.] Vol. 7. M. Khud. lit. 1981.
17. Turyshĕva O. N. *Kniga – chtenie – chitatel' kak predmet literatury* [Book – reading – reader as a subject of literature]. Yekaterinburg. Publishing house of Ural University. 2011.
18. Yarina N. V. «“Dnevnik” Elizavety D'yakonovoj: zhanrovoe svoebrazie»: *dis. na soiskanie kvalifikacii «Issledovatel', Prepodavatel'-issledovatel'»: rukopis'* [«Diary» of Elizabeth Dyakonova: genre originality»: dis. for qualification «Researcher, Teacher-researcher»: manuscript]. Magnitogorsk. 2018.